

А. В. Никитина

СТРАННОСТИ ЛЮДОЕДСТВА ЯГИ (МОТИВ КОРМЛЕНИЯ / ПОЕДАНИЯ)

Резюме

Рассмотрено людоедство как одна из функциональных характеристик Бабы-Яги. Внимание было сфокусировано на типе Яги — похитительницы детей и людоедки. Задачей исследования было выявление специфических черт людоедства Яги, различающих Ягу и сказочную ведьму. Для анализа взяты различные по времени и региональной принадлежности тексты сказок, в которых Яга предстает людоедкой, прежде всего — варианты сюжета 327 — 327С, F 'Мальчик и ведьма' и 327А 'Дети (брат и сестра) у ведьмы'. Поскольку интерес представлял также вопрос определения времени появления Яги-людоедки и ее генезиса, предпочтение отдавалось текстовому материалу наиболее ранних сказочных сборников, включая лубочные и полулубочные, а также рукописным источникам. Одним из наиболее интересных выявленных специфических элементов людоедства и Яги, и ведьмы оказался мотив кормления / поедания. Подтверждена вероятность того, что подтип Яги-людоедки возник на основе переводных и качественно переработанных западноевропейских сказок, активно осваиваемых в начале XIX в. околотитурными и литературными процессами.

Ключевые слова: сказка, ведьма, людоедство, Баба-Яга, избушка на курьих ножках, пряничный домик, небесная мельница

Alla V. Nikitina

THE ODDITIES OF BABA YAGA'S CANNIBALISM (THE FEEDING/EATING MOTIF)

Abstract

This study considers Baba Yaga's cannibalism as one of her functional characteristics and focuses on the representations of Baba Yaga as a kidnapping cannibal. This article seeks to reveal the specific features of Yaga's cannibalism that distinguish her from fairy tale witches.

© А. В. Никитина, 2024

The analysis is based on tales from different historical times and geographical locations. The texts examined by the author are variants and combinations of several subtypes of the tale type ATU 327, mainly "The Devil/Witch Carries the Hero Home in a Sack" (ATU 327C), "The Witch and the Fisher Boy" (ATU 327F), and "The Children with the Witch" (ATU 327A). In order to determine the time and genesis of the image of Yaga as a cannibal, the author selected texts that are found in the earliest available anthologies of fairy tales, including those contained in popular printed books with pictures (*lubki*) or without them, and in manuscripts. Among the distinctive traits of cannibalism featured by both Yaga and the witch, the feeding/eating motif is especially interesting. This study confirms that the cannibalistic subtype of Baba Yaga likely emerged from translated and thoroughly reworked Western European tales, which were actively developed in the literature and related arts of the early nineteenth century.

Keywords: fairy tale, witch, cannibalism, Baba Yaga, hut on chicken's legs, gingerbread house, celestial mill

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-96-113

В народном представлении людоедство Бабы-Яги принимается как данность. Однако есть основания для сомнений в исконности и давности такой органичной для этого образа функциональной характеристики, и главным основанием являются сказочные тексты на сюжеты с Ягой-людоедкой или с устойчивым мотивом людоедства Яги.

1. Людоедка по определению

В Указателе сюжетов восточнославянской сказки [СУС] есть сюжет 333В, который так и обозначен — 'Людоедка'; сюжет редкий: зафиксированы всего четыре текста, и только в одном из них (он же самый ранний по фиксации, 1852 г.) фигурирует Яга:

«Был-жил старик со старухой, у них была дочка. Дочка была мянинница и пошла к крестне пирог относить (крестная девочки — Яга-Ягинишна. — *А. Н.*) (...) И сама идет Яга-Ягинишна и стала спрашивать: „Что, дочка, не видала ли чего дорогой, как ко мне шла?“ — „Видела много“ (...) „Рассказывай же все“ (...) „Видела: ворота заперты ногой“ . — „Это мой запор, это мой железный“ . — „Видела: на дворе стоит в кадке кровь“ . — „Это мое сусло, это мое хорошее“ . — „Видела: на крыльце лежат ребятишки“ . — „Это мои поросятишка“ . — „Сени заперты рукой...“ — „Это мой запор, это мой золотой“ . (...) „Видела: в избе мохнатую башку“ . — „Это мой веник, это мой кудрявый“ , — сказала Яга-Ягинишна и рассердилась (...): „Хам-хам, съем тебя!“ Так и съела дочь»¹.

¹ Текст дан в сокращении, см.: [Смирнов, № 151], зап. 1852 г. в Казанской губ.; условное название «Баба-яга» подтверждает его сказочность, но, возможно, правильнее считать его пограничной формой между сказкой и быличкой; у М. Н. Власовой, например, упоминается записанный на Пинеге рассказ «О двух доманушках», очень близкий к приведенной сказке, в котором одна из

Подчеркнем: это единственный из обнаруженных на сюжет 333В текст с Ягой; пришедшая к крестной со съедобным гостинцем (пирогом) крестница через постепенное узнавание странностей жилища крестной сама становится объектом поедания. Интерес здесь представляет то, что, во-первых, съедается крестница, то есть *своя* по определению, а во-вторых, что основанием для съедения является спровоцированное самой Ягой (Видала ль чего? Рассказывай...) любопытство духовной дочери.

И то и другое своеобразно интерпретировано в известной сказке «Василиса Прекрасная» [Афанасьев, № 104]: на третий день пребывания у Яги Василиса молча прислуживает воротившейся обедать хозяйке дома: «„Что ж ты ничего не говоришь со мною? — сказала Баба Яга. — Стоишь, как немая!“ — „Не смела, — отвечала Василиса, — а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чём“. — „Спрашивай; только *не всякий вопрос к добру ведет* (здесь и далее курсив наш. — А. Н.): много будешь знать, скоро состареешься!“» И Василиса спрашивает о виденных ею в лесу трех всадниках — белом, красном и черном², — но ничего не спрашивает о трех парах рук, выполняющих поручения Яги по дому, за что слышит одобрительное: «Хорошо, что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и *слишком любопытных ем!*» Отметим, что решающим судьбу Василисы положительно (и отпускают, и дают то, за чем пришла) является конфликт «*своего*» и «*чуждого*» — на вопрос Яги, как ей удается исполнять всю работу, Василиса отвечает: «„Мне помогает благословение моей матери“ (<...> „Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! *Не нужно мне благословенных*“...»

Подчеркнем, что в Указателе эта сказка обозначена как 480В* 'Девушка отправлена к яге за огнем'³; о своеобразной ее исключительности говорит в примечании В. Я. Пропп: «В данной форме сказка *представляет собой*

доманушек (домовых женского пола) — аналог Яги и функционально, и по атрибутике [Власова 1995, с. 125].

² В тексте [Смирнов, № 151] всадники тоже есть, но их не три, а два — на белой лошади и на черной, и они не просто встречаются крестнице Яги, но вступают с ней в разговор и предупреждают: «Не ходи, сказал мужик, *она тебя съест*». И если Яга-Ягинишна объясняет крестнице: мужик на белой лошади — «это мое белое небо», а на черной — «это моя земля, моя черная», охватывая таким образом все пространство — от неба до земли, — то Яга, которой служит Василиса, говорит о всадниках как о подчиненном ей времени — «белый день» (=утро), «красное солнце» (=полдень) и «черная ночь» — «все *мои* слуги верные!» С учетом мифологической сути Яги как имеющей власть над человеческой жизнью, просятся параллели: утро — детство; полдень — расцвет, жизни середина; ночь — старость и смерть; поедание же — одна из древнейших форм смерти.

³ Вероятно, обозначение в СУС дано именно по рассмотренному сюжетному варианту, который действительно является редким: в качестве аналогов указаны еще две русские сказки (всего их три) и две украинские, белорусских нет.

литературную обработку народного подлинника. Полных аналогий в русском сказочном репертуаре нет, и данный вариант единственный нам известный. Тем не менее сказка не может считаться подделкой, так как ее основные слагаемые (баба-яга, 3 всадника и пр.) встречаются и в других сказках» [Афанасьев, с. 482].

Оба текста почти одного времени фиксации (текст из сборника А. М. Смирнова — 1852 г., из сборника А. Н. Афанасьева — 1859 г.), и оба — единичные прецедентные случаи представления Яги как людоедки⁴; потому едва ли возможен вывод, что в середине XIX в. людоедство является сложившейся функциональной характеристикой Яги. Еще не завершились активные околосказочные процессы начала XIX в.: фольклорная сказка еще существует в устном бытовании, опыт письменной фиксации устного текста спорадический и весьма несовершенный, при этом множатся лубочные сказочные издания — а значит, и авторская обработка народных источников, — и стремительно развивается сказка литературная.

Первые отечественные издания словарного типа по славянской и русской мифологии ни конца XVIII [Попов; Чулков], ни начала XIX в. [Кайсаров; Глинка] информации о людоедстве Яги не содержат. Хотя в словарной статье у М. Чулкова говорится о том, что Бабе-Яге «приносили *кровавую жертву*, думая, что она питает ею двух своих внучек, коих ей присвоили, и *успокаивается* при том и *сама пролиянием крови*».

Самые ранние зафиксированные сказки с Ягой-людоедкой принадлежат, как ни странно (ибо речь идет об обработках), лубочным и полубочным изданиям конца XVIII в.; так, среди сказок «Старой погудки»⁵ есть «Сказка о сизом орле» [Новиков 1971, с. 234–238 (№ 46)], которую, вероятно, надо считать базовым вариантом известной сказки «Гуси-лебеди» [Афанасьев, № 113], Курская губ. (усл. 480А* ‘Сестры ищут братца’). Людоедство Яги в ней не столь уж очевидно, поскольку сразу не понять, куда и для чего уносит орел маленького братца, — унес-уташил и все (в позднем курском тексте все яснее — гуси-лебеди «маленьких детей крадывали» для Бабы-Яги, которая «ела людей как цыплят»). Даже когда сестры добираются до избушки Яги и находят братца играющим у окошка, ничто не указывает на то, что Яга

⁴ У А. М. Смирнова есть близкий к казанскому тексту вариант из Псковской губ. (усл. название «Людоедка», зап. 1870 г.; СУС 33В), и людоедство в нем представлено даже более ярко и обостренно, поскольку людоедка — родная мать героини, пришедшей ее навестить, но она не указывается как Баба-Яга, см.: [Смирнов, № 102].

⁵ Полное название сборника — «Старая погудка на новый лад, или полное собрание древних простонародных сказок» (1794–1795); нами в первую очередь использована подборка, опубликованная Н. В. Новиковым, — перепечатка двенадцати из 42 сказок и повестей «Старой погудки», о чем он сообщает в комментариях, см.: [Новиков 1971, с. 280].

намеревается им отобедать. И только когда младшей сестре удается братца забрать, а отправленный вдогонку орел возвращается ни с чем и принимается «бить (!) Ягу, приговаривая, зачем она пускала девку в избушку и *для чего ее не съела*», — только тогда можно прийти к выводу, что Яга здесь похитительница и людоедка. Похоже, что в последней трети XIX в. восприятие Яги как людоедки получает все большее распространение⁶.

2. Похитительница и людоедка

Чистого функционального типа Яги-людоедки нет, есть одна из обозначенных В. Я. Проппом форм — Яга-похитительница: «Она похищает детей и пытается их изжарить, после чего следует бегство и спасение» [Пропп, с. 53]⁷. То есть людоедство Яги не оспаривается, оно объясняет похищение — добывание ради съедения. В отличие от конкретизированного Н. В. Новиковым определения этого типа как ‘похитительницы детей’ [Новиков 1974, с. 174–180], характеристика Проппа позволяет рассматривать функционирование Яги в расширенном спектре и разных ракурсах, так как:

— встречаются похищения Ягой взрослых (фиксации не часты, но они есть);

— существуют варианты сказок на сюжеты с похищением, в которых жертва не похищается, но приходит к Яге сама и затем ею удерживается; иными словами, само похищение может принимать разные формы и толковаться неоднозначно;

— наконец, съедение добытого отнюдь не всегда является целью похищения, даже когда речь идет о детях; приходится также учитывать гендерный и возрастной аспекты, так как намерение съесть девочку / девушку фиксируется много реже, и цели похищения взрослых обоого пола далеко не однозначны.

Тип Яги-похитительницы (и -людоедки) актуален для ряда сказочных сюжетов и мотивов, из которых самым популярным и разнообразно представленным в русском сказочном фонде оказался сюжет 327 в вариантах (прежде всего 327С, F ‘Мальчик и ведьма’ и 327А ‘Дети (брат и сестра) у ведьмы’); его влияние на появление Яги-людоедки признается наиболее значимым. При этом настораживает, что в обоих представленных Н. В. Новиковым собра-

⁶ См. у М. Н. Власовой цитату из записей П. С. Ефименко этого времени по Архангельской губ.: «Баба-Яга почитается воровкою детей, поэтому и пугают детей: „У! У! Хам те... Баба-то Яга схватит... поди-ко, поди, вот она, тут и есть за дверями!“» [Власова 2001, с. 573].

⁷ О трех базовых формах (типах) Бабы-Яги — помощнице-дарительнице, похитительнице и воительнице — см.: [Пропп, с. 52–53]. Как отметил Н. В. Новиков, подробной характеристики ни один из этих типов у Проппа не получил, из каждого отбирались «только те черты, которые показывали, что она „может иметь какую-то связь с царством мертвых“» [Новиков 1974, с. 134–135].

ниях русских сказочных материалов: [Новиков 1971] (XVI—XVIII вв.) и [Новиков 1961] (начало XIX в.) — тексты на сюжет 327 отсутствуют. Возможно, это означает, что сюжет не был востребован и его значимость и популярность стали проявляться только во 2-й трети XIX в.; а возможно, формы, в которых он бытовал, не являлись сказками и потому в сборники не вошли, см.: [Новиков 1961, с. 1—2].

В пользу последнего предположения говорит следующее замечание: «Впервые в нашей литературе подлинную сказку о Бабе-Яге на сюжет „Ивашко (Жихорко и пр.) и ведьма“ (327С) пересказал М. Н. Макаров» [Новиков 1974, с. 133—134]. Пересказ содержится в примечании к стихотворению «Кривич-христианин и Ягая. *Древняя смоленская повесть*» [Макаров 1827, с. 16—17]⁸. Место бытования «древней повести» (Смоленск), печатный орган («Вестник Европы») и время издания, по сути, подтверждают факт литературной обработки источника и вероятность если не заимствования, то оформления под западноевропейским влиянием. В дополнение приведем мнение Н. А. Тарховой об этом пересказе: «М. Н. Макаров создал сказку, которая (...) восходила к сюжету „Ивашка и ведьма“ и „Терешечка“. Она превратилась в историю, рассказывающую о падении в Древней Руси идолопоклонничества и распространении христианства. *Это первая в истории русской фольклористики сознательная фальсификация народной сказки* — случай крайней тенденциозности в обработке сказочного сюжета» [Тархова, с. 11].

Какой на самом деле была «подлинная» русская народная сказка о мальчике и ведьме (327С, F), можно лишь предполагать, поскольку известные ранние опубликованные тексты этого варианта относятся к последней трети XIX в.⁹

О других вариантах сюжета 327, особенно 327А ‘дети (брат и сестра) у ведьмы’, можно с уверенностью сказать, что они представляют собой примеры адаптации для отечественного читателя восточного и западноевропейского сказочного материала (также адаптированного) — переводы, смешение с элементами фольклорной сказки и разного рода и уровня обработки в стиле лубочной и складывающейся литературной традиции начала XIX в.¹⁰

⁸ Если это и не «древняя повесть», то легенда: В. Ф. Райан указывает, что образ Яги «восходит к древним легендам о злом демоне, похищающем и поедаящем детей» [Райан, с. 130, 147], ссылаясь при этом на статьи о Яге в словарях М. Н. Власовой [Власова 1995] и Т. А. Новичковой [Новичкова]. При этом Т. А. Новичкова дает ссылку на того же М. Н. Макарова [Макаров 1838].

⁹ О сложности датировки ранних фиксаций говорит то обстоятельство, что ни к одному тексту на сюжет 327С в сборнике А. Н. Афанасьева указания времени записи нет.

¹⁰ [Новиков 1961, с. 30; Тархова, с. 10—11].

3. Два людоедских варианта сюжета 327

Как уже было отмечено, вариант 327С, F оказал существенное влияние на формирование подтипа Яги-людоедки и потому важен для понимания специфики ее функционирования. Но прежде чем обозначить позиции, характеризующие здесь Ягу как людоедку, укажем, что данный вариант сюжета 327 очень распространен в отечественном сказочном фонде (60 текстов), но при этом является редкостью в смысле целостности и самодостаточности — он почти не входит в контаминации и редко бывает вставным.

По СУС 327С, F — вариант мужской (главный герой здесь мальчик, условный семилетка), адаптированный под детскую аудиторию, что означает не только композиционную простоту и безыскусность повествования, но и обытовление. Последнее сближает большинство редакций сюжета 327 со сказками бытового типа (где не волшебство, а обман и хитрость) и бытовым мифологическим рассказом (где вредить может соседка или даже родственница). И это затрагивает специфику подачи Яги в сюжете 327:

во-первых, Яга здесь является вторым главным персонажем, тогда как в большинстве сказочных сюжетов она персонаж эпизодический, вводный;

во-вторых, ориентированность на детей и западноевропейское влияние (или происхождение?) объясняют функциональное уравнивание, вплоть до отождествления, Яги с ведьмой. В Указателях сюжетов (с опорой на западноевропейскую классификацию) антагонист, где он есть в названиях сюжета 327 (как раз 327С, F и 327А), *ведьма* — практически инвариант; однако в подавляющем большинстве русских сказок на сюжет 327 фигурирует Яга; анализ текстов при этом показывает, что превалирование лишь номинальное: антагонист называется Ягой, но функционально соответствует ведьме. Произошло обытовление, опрощение Яги до ведьмы, более понятной, более отвечающей обыденной жизни; образ оказался радикально „вычищен“, оставлена и актуализирована однонаправленная функция — источник страха быть утешенным и съеденным, т. е. лишиться защиты семьи-рода, безвозвратно утратить эту связь. Результатом трансформации к XX в. стало низведение древнего мифологического образа до уровня «страшилки» для младшего детского возраста: «Ну вот если пойдешь куда — вот тебя там поймает Баба-Яга (и съест)...» [Кадикина, с. 77]. Анализ «страшилок» конца XX в. отмечает устаревание этой роли Яги и продолжение снижения актуальности¹¹. Добавим, что рассмотренный материал дает предсказуемо высокую частотность женского

¹¹ Согласно возрастной периодизации детских страхов, данной детским психологом А. И. Захаровым, Яга актуализируется в 2–4 года: «Волк и Баба-Яга символизируют угрозу для жизни, физическое уничтожение, прекращение жизни. (Эти образы) (...) предваряют появление психологически мотивированного страха смерти у детей в 6–7 лет» [Кадикина, с. 77].

исполнения сказок на сюжет 327, детское исполнение (обычно девочками) встречается реже, мужское — единичное.

Наибольшую значимость характеристики людоедства Яги в вариантах сюжета 327 обретают в двойственности разработки мотива кормления / поедания и во взаимодействии разных форм проявления оппозиции свой — чужой.

Еда и у ведьмы, и у Яги — инструмент для добывания еды. В сказке «Гензель и Гретель» братьев Grimm (327A) пряничный домик — приманка людоедки: «...была она (...) злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку она построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала...» [Grimm, с. 65]. Брата с сестрой к чудесному домику приводит птичка (манок ведьмы), и, мучимые голодом, они не могут не попасться: «Подошли они (...) видят — сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца. „Вот мы за нее и примемся, — сказал Гензель, — и то-то будет у нас славное угощение!..“ (...) „Э, милые детки... милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет“. Она взяла их (...) за руки и ввела в свою избушку...» [Grimm, с. 64]. Яга в сказках на сюжет 327С, F также занимается добыванием мальчика, приманивая его едой, но желание съесть его, как правило, объявляется уже после отлова, см.: а) Яга отдает добытого дочери и велит приготовить из него жаркое: «Топи печь жарко и на-жарко... Да ево, с...а сына, жарь!» [Зеленин 2002, № 115] (Вятская губ.); б) заявление Яги самому похищенному герою: «попался ты мне, сжарю да съем» и т. д.

— Для Яги-людоедки работающий на добывание (похищение) героя мотив приманивания едой ослаблен, потому что, в отличие от ситуации в сказке «Гензель и Гретель», в русских вариантах 327С, F отсутствует мотив *голода*: во многих вариантах с мальчиком-рыбаком его приходит кормить матушка, принося то, что сама настряпала, — эта еда, что важно, для героя *своя*. К тому же кормление может быть взаимообразным: герой может определяться как кормилец — он ловит рыбу на прокорм семьи: мать приходит к нему с едой (кормит), и герой ест принесенное, а ей отдает свой улов — еду для отца-матери. Поэтому в 327С, F приманивание едой в исполнении Яги может быть: а) имитацией материнского подзывания сына, чтобы накормить; еда при этом может только перечисляться (то, чем собралась кормить матушка); б) зазыванием на что-то особо вкусное, праздничное: «Мальчик, мальчик, пойдем именинного есть!» [Власова 2011, № 44] (Архангельская обл.). В этом случае приманка для героя в целом ряде текстов, включающих мотив кормления, связана с едой ритуальной — блинами, кашей, пирогами...

— Еду-приманку может стряпать сама Яга, однако чаще по ее указанию готовят дочери: «„Напеки, говорит старшей дочери, блинов да позови

глинышка“. Напекла дочь блинов, вынесла на берег...»; «На другой день баба-яга настряпала пирогов и шанег и послала старшую дочь на берег караулить мальчика и приманить его стряпней...» [Зеленин 2002, № 97] (Вятская губ.); подчеркнем: эта еда — *чужая* для героя.

— В сказке «Гензель и Гретель» ведьма заводит изголодавшихся детей в свой съедобный дом, и (подобно классической Яге в сказках типа «квест») она их кормит-поит, укладывает спать, они засыпают с мыслью, что попали в рай. Ведьма выдергивает их из иллюзий поутру: мальчик заперт в хлеву, а его сестре предстоит работа по дому и откармливание братца. Людоедка Яга, добыв мальчика (часто приманив его на еду иллюзорную — обман), притаскивает его в дом и запирает в голбец, в коник (залавок), на / под / за печь и т. д.; все перечисленные места известны как хранилища съестных запасов; о его откармливании речи нет.

— Ведьма в 327А всегда одна; у Яги же в 327С, F всегда есть одна — три дочери (работницы редки), которым и поручается готовить из добытого «кушанье» для матушки. Примечательно, что возможна готовка с расчетом на дочерей или гостей — приятельниц Яги, см. ее указания: «*Ижжарь мне ёго к утру, а я приду, поем и тут же и вам оставлю...*» [Коргуев, № 76] (бывш. Олонецкая губ.); «Дачушечка мая! Вазьми сяго хлопчика, абмый да, вытапивши печь, укинй, и як ён зжарицца, пареж и пастав на стале, а я пайду да *пазаву кумачек* сваих; придем да и *будем гулять...*» [Афанасьев, № 109] (Брянская губ.) и т. д.

— Ведьма из сказки «Гензель и Гретель» предпочитает сырого не есть — варит; и у Яги сыроядение не в чести — всего в одном тексте из шестидесяти она ловит и поедает героя сырым-неготовленным, но и Яга в том тексте — медведица [Смирнов, № 120] (Вятская губ., зап. 1873 г.). Почти всегда Яга поручает готовку дочерям, сама берется, только когда уже некому; притом героя надо не печь, не варить, а требуется сильная прожарка. Стоит подчеркнуть, что огонь печи для Яги и ее дочерей — *свой* (семейно-родовой), а для героя — *чужой*, однако ему удастся приготовить на этом огне и дочерей Яги, и саму Ягу. На предложение сесть / лечь на лопату «пирожком» или «пряничком» он отвечает обманом (не знает как, просит показать) и направляет «образец» в печь... — «еда» готовит еду из того, кто собирався есть. А людоедка Яга обманывается, поедая одну за другой *своих* дочерей, полагая, что лакомится героем (*чужим*): «Прилетела баба Яга, вытащила из печи жаркое и все его съела, а косточки разложила по полу и стала на них кататься... „Покататься было, / Поваляться было / на Жихарьковых косточках!“ А Жихарько из-под лавочки ей *отвечает*: „Покатайся, Яга, / Поваляйся, Яга, / На дочерниных косточках!“ Услыхала это баба Яга, рассвирипела и зубами заскрежетала

и забранилась: „Ах ты разбойник, Жихарько, ты еще жив да и дочь мою изжарил?..“»¹²

Встретился текст, в котором жаркое из Яги съедают ее собственные сыновья: «У ей сыновья... пришли с промысла, а мати нету, не знают, где взеть. (<...> печь отворили, што-ле закусывать хотят, а косьё лежит. Один говорит: „То Олексанко сожжоной“. Хам, хам, хам. Думают, Олексанка едят, а мать съели» [Ончуков 1908, № 38] (Архангельская губ.). И еще один поздний текст, уникальный тем, что Ягу в нем съедает сам герой: «Она лёгл'а на л'опату-ту... Он взяў да бросиў, да и испёк, и съей её...»¹³

4. Русские аналоги сказки «Гензель и Гретель»

Как ни странно, сказка из сборника братьев Grimm «Гензель и Гретель» в русском сказочном фонде представлена слабо. Статистика такова:

— на этот сюжетный вариант (327А ‘Брат и сестра у ведьмы’) нашлось всего восемь текстов: один курский, три из бывшей Олонецкой губернии, два вятских и по одному из Архангельской и Новгородской областей, то есть превалирует севернорусский материал;

— основное время записи — XX в.¹⁴, но курский текст и один из вятских¹⁵ относятся к середине XIX в. (причем вятский еще и рукописный);

— Яга фигурирует только в трех текстах из указанных (в остальных — *ведьма, старуха, мельник* и даже *козел*), что, скорее всего, объясняется малым интересом к данному сюжетному варианту; похоже, русская публика предпочитала другие варианты сюжета 327, в которых герои имели дело с Ягой порознь, один на один;

— бóльшая часть аналогов — контаминации, чаще всего с 1960G I ‘Небесная избушка’, реже — с 715A ‘Чудесные жерновки’, 450 ‘Братец и сестрица’ и 313Н* ‘Бегство от ведьмы’; в контаминациях 327А сжимается до мотива обмана и отправки Ягой в печь.

Один¹⁶ из двух текстов, представляющих чистый сюжет, — краткий пересказ сказки «Гензель и Гретель»: брат и сестра оставлены в лесу

¹² [Ончуков 2000, № 3], Тобольская губ.; текст в издании дан в приложении.

¹³ [Балуевская, № 3], Вологодская обл., зап. в 1995 г. от А. П. Дербиной, 84 лет.

¹⁴ [Онегина, № 9] («Жил-был поп», Заонежье, зап. 1956 г.; Баба-Яга — ведьма); [Власова 2011, № 64] («Брошенные дети», Архангельская обл., зап. 1928 г.; Баба-Яга — старуха); [Зеленин 2002, № 11] («Про козла», Вятская губ., зап. 1908 г.; в функции Бабы-Яги — козел); [Разумова (оп.), № 186] («Дети у ведьмы», бывш. Олонецкая губ., зап. 1967 г.); [Власова, Жекулина, № 50] («Дети у Бабы-Яги», Новгородская обл., зап. 1976 г.); [Онегина (оп.), № 218] («Дети у ведьмы», Заонежье; зап. 1957 г.).

¹⁵ [Афанасьев, № 114], Курская губ.; [Смирнов, № 143], Вятская губ., ркп 1850-х гг.

¹⁶ [Власова 2011, № 64], Архангельская обл., зап. 1928 г. Довольно близкий пересказ немецкой сказки с припоминанием отдельных подробностей (например, уточка, перевозящая детей),

и ищут дорогу домой; они набредают на чудесный дом («изба из преников сделана, из сахару») и принимают его есть («колупают»), так как очень голодны; на шум из домика выглядывает старушка («Кто там колотитца?») и выпускает их; она велит принести воды, затопить печь и пытается заправить в нее девочку («ползи, девка, в печь!»); та притворяется неумейкой, просит научить; показывая, как надо, старуха оказывается в печи и сгорает; дети находят дорогу домой. Второй текст из архивной описи дает схематичное изложение сюжета: брат и сестра съедают у бабы-яги суп, кладут в котел лапоть; баба-яга хочет их сжечь в печи, но оказывается там сама; ее богатство достается детям¹⁷.

Два вятских текста с контаминацией сюжетов 1960G1 и 327A представляют особый интерес; в более раннем тексте (сер. XIX в.) фигурирует Яга, в другом — козел. Начало практически одинаковое: двое сирот едят на печке горох и роняют горошину под печь, она прорастает и вытягивается до неба. Далее в раннем тексте сестрица и братец вместе лезут по стеблю на небо: «...долезли до неба, там меленка¹⁸ стоит. Они стали на ней молоть горошѣк. Тут пришла Эгибоба: „Фу, фу, фу, кто на моей меленке мелет“. Она стала их искати: „Фу, фу, свернися, избушка в три угла, фу, фу, свернися, избушка, в два угла“. Избушка свернулася в два угла, узко стало, и она их поймала...» [Смирнов, № 143]. Яга здесь — хозяйка чудесной меленки и каноническая людоедка: она сажает пойманных детей «в подполье» и велит дочерям «истопить печь и изпетчи их да и съесть». Далее все по традиционной схеме 327С: обман и зажаривание трех дочерей Яги; их съедение Ягой и катание-валяние на дочерних костях; отправка в печь самой Яги; концовка предсказуемая: забрав «все пожитки и деньги», братец и сестрица возвращаются домой и, став взрослыми, удачно устраивают свои судьбы: он женится «на царской дочери», а сестрица вышла за «придворнова, пригожова молодца, за московского купца».

Второй, поздний текст с аналогом Яги — козлом [Зеленин 2002, № 11] представляет более развернутую контаминацию сюжетов, в которой 327А — промежуточное звено в цепочке, но фрагмент привлекает внимание в плане насыщенности значимыми деталями.

1. Небесная избушка козла — аналог типичного жилища Яги: «(Сестра отпрավяется на небо одна). Лезла да лезла и увидела: избушка на курьих нож-

но при этом отсутствует ряд существенных элементов, забыты: птичка, заманивающая к домику ведьмы; разлучение детей (мальчик — в хлев, девочка — на черную работу и откармливать брата); проверка готовности братца (ощупывание пальца).

¹⁷ [Разумова (оп.), № 186], бывш. Олонецкая губ., зап. 1967 г.

¹⁸ Здесь мельница — дом с рабочим помещением (с жерновыми) и жилой частью.

ках повёртыватца. Она сказала: „Избушка, избушка! К лесу задом, а ко мне передом!“ — Обернулась избушка к лесу задом, а к ней передом. Она зашла...»; здесь и беспокойные курьи ноги, и формульный поворот; причем несмотря на то что все происходит на небе, лес — тут как тут, все традиционно.

2. Козел пребывает в состоянии разъятости: «Лежит козёл на полатях, ноги на грядках, зубы на спиче, глаза на поличе, а борода на божнице», — что сравнимо с формульным описанием лежащей в своей избушке Яги¹⁹. Сестра, застав козла спящим, находит в углу жернова и принимается молоть; его пробуждает звук работы жерновов и приговаривания мелющей. Проснувшийся козел, как трансформер, принимается собирать себя в единое целое: «Козел увидал, вот и стал гаркать: „Ноги, идите ко мне! Руки, идите ко мне! Голова, иди ко мне! Глаза, идите ко мне! Борода, иди ко мне!“ — А она тем временем и убежала».

3. В следующий раз сестра и брат отправляются на небо вместе, она берет его с собой с условием не смеяться, но он нарушает запрет, и его смех будит козла: «Только ступили в избушку, брат увидел козла и захохотал: „Ха-ха-ха! Посмотри-ко, сестра! Это што такое?“ Козел пробудился и стал звать: „Ноги, идите ко мне! Руки, идите ко мне! Голова, иди ко мне! Глаза, идите ко мне! Борода, иди ко мне!“ — оне пришли...»

4. Как и в раннем тексте с Ягой, здесь дан эпизод свертывания пространства избушки словом, благодаря чему козел хватает незваных гостей: «...он (козел) соскочил и сказал: „Избушка, избушка, сделайся о три уголка!“ — она сделалась, и он стал иметь брата и сестру. Когда поймал, посадил их в подпольё и стал кормить».

5. Козел откармливает пойманных и характерным способом проверяет их готовность для жарки: через пару дней он дает им нож и велит отрезать от рук по пальцу, чтобы попробовать. Они находят лутошку, отрезают от нее «по суставчику» и подают козлу. Он бросает в печь — лутошка «не закипела». «Козёл думат: „Нет, есчо не сальны, не время жарить“...» Еще через два дня козел опять подает нож и говорит отрезать по пальцу от ног, те подают по кусочку «свившейся берестины»: «Козёл бросил в печь — берестина завесречела; тогда козёл подумал: „Тепере сала много, нужно сжарить“».

Далее все традиционно: сажание на лопате в печь с демонстрацией, как надо садиться правильно, сестра «не обробела» и «ухнула» козла в печь,

¹⁹ Яга при первом контакте с нею героя / героини (имеется в виду тип помощницы) зачастую предстает „разъятой“, как набор разобщенных частей, — ноги, «титки», нос, язык: «Сидит Яга-Яги-нишна, Овдотья Кузминишна, нос в потолок, титки через порог, сопли через грядку, языком сажу загребает...» [Смирнов, № 150] (Казанская губ.); но самосборка Яги, как это продельывает в данном тексте козел, собирая себя *словом* в единое целое, фактически не встречается.

«заслонку закрыла и клюшкой приперла». Оригинальным переходом к следующему сюжету (450 'Сестрица Аленушка и братец Иванушка') становится связанный с «запекающимся» в печи козлом очередной запрет сестры братцу — чтобы не лизал бегущий из печки козлийный «росол», «не то он сам сделается козелком»; сестра выходит «на улицу», и братец запрет нарушает.

Небольшое отвлечение по данному тексту в связи с приписываемым Яге и аналоговым персонажам плохим зрением, слепотой: здесь обыгрывается взаимодействие визуальных и звуковых маркеров. В первое посещение избушки сестрой козел спит и пробуждается от звуков мелющих жерновов и гóлоса (сестра мелет и приговаривает); затем фактически сразу сказочник использует глагол «увидял» (но глаза у козла в тот момент «на поличе»), и это становится знаком к началу трансформации-сборки, которая происходит «по слову»: «...и стал гаркáть <кричать, звать>: „Ноги, идите... Руки, идите...“» и т. д. Во второе посещение опять-таки звук — смех брата — будит козла, и тот снова собирает себя, подзывая криком части своего тела. Похоже, что и в собранном виде козел видит плохо: он ловит детей, сжимая опять-таки словом пространство избушки, и определяет откормленность объекта не на ощупь, как это делает ведьма в сказке «Гензель и Гретель», а на слух: «...бросил в печь — лутошка не закипела. Козёл думат: „Нет, есчо не сáльны, не время жарить“ <...> бросил в печь — берестина завересчела; тогда козёл подумал: „Тепере сала много, нужно сжарить“...»

Наконец, стоит остановиться еще на одном севернорусском тексте из группы 327А (+715А), поскольку разработка сюжета в нем также довольно оригинальна и здесь фигурирует именно Яга. В сказке «Жил-был поп»²⁰ похода на небо нет, все происходит в «этом» мире: бедные дети-сироты («Ни отца не было, ни матери. Есть-пить у них нечего было: когда ели, когда ничего не ели») видят, как мимо едет Яга: «...едет Баба Яга, пестом погоняет, помелом следы запахивает. Проезжает в свой дом...» Сестрица усыпляет братца песенкой («Глазок, усни, усни, другой!») и отправляется к Яге; она подсматривает, как та мелет у себя в подполье: «вернет-повернет да жерновом подернет. А оттуда пойдет хлеба мякушка, масла кадушка, семени масленка да супа поваренка». Девочка улучает момент и, завернув то, что намолола Яга, в передник, уносит домой. Но все принесенное заканчивается, и девочка вновь собирается к Яге, только усыпить братца ей на этот раз не удастся (не спела про другой глаз), и они идут вдвоем. Здесь также есть запрет сестры смеяться: «Ну, пойдем. Только ты не смейся, а то Баба Яга нас обоих съест»; но мальчик смеется, и Яга их обнаруживает: «Барашек и ярочка пришли. Ну-тко, идите

²⁰ [Онегина, № 9], Заонежье.

сюда!» Сестра учит братца, как садиться на лопату, чтобы Яга не заправила его в печь; Ягу удается обмануть — она гибнет в печи. Чудесные жернова они забирают домой.

Здесь в тандеме брата и сестры роль ведущего принадлежит сестре, братец — ведомый, на сестру, как на старшую (и потенциальную жену — мать — хозяйку), ложится забота о брате, и в первую очередь — поиск еды (исконная женская функция кормления). Сестра обладает некоторым знанием: она знает усыпляющую песенку, знает, что можно и чего нельзя делать (запреты смеяться, лизать «росол»), знает, как обмануть Ягу и не оказаться съеденными. В сказке братьев Гримм, напротив, более инициативен и находчив брат, хотя «честь» отправить ведьму в печь все же выпадает сестре [Гримм, с. 65].

5. Еще несколько слов о людоедстве Яги

Проявления *людоедства* Яги в других сказках на сюжеты, в которых она враждебна герою или ему помогает, довольно редки, и чаще всего представляют собой:

— угрозы съесть героя, которые на деле не реализуются (например, в некоторых приветственных формулах Ягой на встречу незваного гостя): «...а нониче русский дух в виду является, в уста мечется» [Афанасьев, № 172]; «...сам пришел, как баран на стол» [Красноженова, № 19] (Красноярский край); «Съем я тебя, молодець, я тридцать годов цёловецьёго мяса не ела...» [Коргуев, № 7] (бывш. Олонецкая губ.) и т. д.;

— проявление Ягой агрессии при встрече с героем — без слов сразу к делу: «Только лишь она увидела Сампсона Лукьяновича, то бросилась на него и хотела его когтями разорвать и живого сожрать...» [Новиков 1961, с. 97, № 5] («Сказка о славном и чудном богатыре Сампсоне...» из лубочного сборника 1820 г.); «Разевает рот — хочет Ваню съись эта Яга ягишна...» [Зеленин 1997, № 1] (Пермская губ.) и т. д.

Обратная сторона страха (как известно, герой остается героем и побеждает, пока не боится) — развлекательная непритязательность, грубость, сниженность в изображении воплощения страха, идущая от скоморошества, игры, народного театра, — полно представлена в лубке — сказках на потешных листах и потешных элементах в лубочной сказке, вернувшихся оттуда в народную сказку²¹.

Пример использования «низовой стилистики» в отношении людоедки-Яги — балагурное (солдатское, «оснащенное рифмами и словечками не для печати») описание Яги, собирающей на стол: «Они зашли. Яга Ягишна

²¹ [Новиков 1961, с. 138–139; 142].

лежит <...> „Фу-фу, русского духу отроду не слыхала, русский дух ко мне на двор пришел!“ — „Напой-накорми, тогда вестей расспроси!“ Она сейчас п...ла — стол поддёрнула, др...ула — штей плеснула, ногу подняла и пирог подала, титечками потрясла и молочка поднесла, ножки возняла и ложечек подала...» [Зеленин 1997, № 9] (Пермская губ.).

Вместо послесловия

Гензель и Гретель засыпают в чудесной избушке ведьмы, сытые и в кроватках под белыми одеяльцами, с мыслью, что попали в рай. Мотив попадания в чудесное место, в обетованную страну, где *голода нет*, издавна (с XV в.) живет в немецкой народной поэзии, см.: «На белом свете есть одна / Весьма чудесная страна. / И не солгу, ей-богу, / Что сам туда бы побежал, / Когда бы знал дорогу. / <...> Там стены башен и домов / Из кренделей и пирогов. / И в каждом закоулке / Растут на липах и дубах / Поджаристые булки. / <...> А если выпить захотел — / Вино в любом колодце...» [Гинзбург, с. 59] («Про страну Шлараффию»; полный текст см. [Гинзбург, с. 59—64]). И возникает вопрос: не описание ли жилищ Шлараффии легло в основу создания образа пряничного дома ведьмы (и Яги)? Возможно, именно оно, позаимствованное и адаптированное, повлияло на авторов ранних отечественных сказочных сборников при создании гастрономических небылиц, подобных этой: «<...> Приезжают батюшка с матушкой / На колесах / И повезли меня под небёсы. / Под небёсю в пирогах церква складена, / Двери прянишны, / Пробои кокурошны, / Калацом заперта, / Сосулькой засунута. / Во церкви топяты / Свецы морковны, / Висит кадила репина. / Я взошел на паперти, / Калац перекусил, сосульку перломил / И двери растворил. / Как поп вышел, присел, / Тут я его и сѣл»²².

Литература

- Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. 516 с.
- Балуевская — Сказки, былички и бывальщины Анастасии Петровны Дербиной (Кичмонгско-Городецкий р-н Вологодской области): Хрестоматия / Сост., науч. ред. С. В. Балуевская. Вологда: Центр народной культуры, 2018. 140 с.
- Власова 1995 — Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий: Иллюстрированный словарь. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.
- Власова 2001 — Власова М. Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-классика, 2001. 672 с.

²² [Новиков 1961, с. 218—219, № 47] («Шли песты (?) пророки); зап. неизвестного лица в д. Сунеевой Нижегородской губ., в 1830—1840-х гг.; текст соответствует СУС 1930 'Страна обетованная').

- Власова 2011 — Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. 680 с.
- Власова, Жекулина — Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры: По записям 1963–1999 гг. / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб.: Алетейя, 2001. 542 с. (Памятники русского фольклора).
- Гинзбург — Волшебный рог мальчика: Из немецкой народной поэзии / Предисл., коммент., пер. Л. Гинзбурга. М.: Дет. лит., 1971. 96 с.
- Глинка — *Глинка Г.* Древняя религия славян. Митава: Тип. И. Ф. Штефенгагена и сына, 1804. 23 с.
- Гримм — *Братья Гримм.* Сказки / Пер. с нем. Г. Петникова; сост. И. Солодуниной; послесл. Г. Шевченко; ил. С. Голощапова. М.: Правда, 1989. 480 с.
- Зеленин 1997 — Великорусские сказки Пермской губернии: Сборник Д. К. Зеленина / Изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 584 с. (1-е изд. — Пг., 1914).
- Зеленин 2002 — Великорусские сказки Вятской губернии: Сборник Д. К. Зеленина / Изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб.: Тропа Троянова, 2002. 736 с. (1-е изд. — Пг., 1915).
- Кадикина — *Кадикина О. А.* Фигуры детских страхов // Языки страха: женские и мужские стратегии поведения: Ст. и материалы междунар. науч.-практ. конф. (С.-Петербург, 3–5 октября 2003 г.) / Под ред. Н. М. Герасимовой, Е. Л. Мадлевской. СПб.: Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры, 2004. С. 77–82.
- Кайсаров — *Кайсаров А. С.* Славянская мифология. М.: Тип. Дубровина и Мерзлякова, 1807. [8], 211, [5] с.; 2-е изд. с загл.: Славянская и российская мифология. М.: Тип. Дубровина и Мерзлякова, 1810. [2], 211, [5] с. (впервые — на нем. яз.: *Kajsarov A. S.* Versuch einer Slavischen Mythologie. Göttingen: Gedruckt mit barmeierischen Schriften bei J. C. Baier, 1804. 117 S.).
- Коргуев — Сказки М. М. Коргуева / Зап. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. Кн. 1. 660 с; Кн. 2. 676 с. (Сказки Карельского Беломорья; Т. 1).
- Красноженова — Сказки Красноярского края: Сб. М. В. Красноженовой / Под общ. ред. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева. Л.: Гослитиздат, 1937. 294 с.
- Макаров 1827 — *Макаров М. Н.* Кривич-христианин и Ягая: Древняя смоленская повесть // Вестник Европы. 1827. № 13. С. 3–20.
- Макаров 1838 — *Макаров М. Н.* Русские предания: [В 3 кн.] М.: Тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1838. [Кн. 1]. 102 с.; Тип. А. Семена, 1838. [Кн. 2]. 187 с.; Тип. Н. Степанова, 1840. [Кн. 3]. 57 с.
- Новиков 1961 — Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 396 с.
- Новиков 1971 — Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л.: Наука, 1971. 288 с.
- Новиков 1974 — *Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 256 с.
- Новичкова — Русский демонологический словарь / Авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб.: Петербургский писатель, 1995. 632 с.
- Онегина — Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск: Карелия, 1986. 296 с.
- Ончуков 1908 — Северные сказки: Сб. Н. Е. Ончукова. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. 646 с. (Записки Имп. РГО по отделению этнографии; Т. 33).

- Ончуков 2000 — Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокш-озерские и самарские сказки) / Вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой; подгот. текстов В. И. Жекулиной. СПб.: Алетейя, 2000. 488 с.
- Попов — *Попов М.* Описание древнего славенского языческого баснословия... СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1768. [14], 48 с.
- Пропп — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 367 с.
- Разумова — Русские народные сказки Пудожского края / Изд. подгот. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1982. 366 с.
- Райан — *Райан В. Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 720 с.
- Смирнов — Сборник великорусских сказок Архива РГО / Изд. А. М. Смирнов. Пг.: Тип. Рос. акад. наук, 1917. Вып. 1–2. 504 с. (Записки РГО по отделению этнографии; Т. 44).
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барак, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков; отв. ред. К. В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 440 с.
- Тархова — Литературная сказка пушкинского времени / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. А. Тарховой. М.: Правда, 1988. 480 с.
- [Чулков] — *Чулков М.* Словарь русских суеверий. СПб.: Тип. Шнора, 1782. 281 с.

References

- Afanas'ev, A. N., ed. (1957). *Narodnye russkie skazki*. 3 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 1. 516 p.
- Azadovskii, M. K., Andreev, N. P., eds. (1937). *Skazki Krasnoyarskogo kraia. Sbornik M. V. Krasnozhenovoi*. Leningrad: Goslitizdat, 294 p.
- Baluevskaya, S. V., ed. (2018). *Skazki, bylichki i byval'shchiny Anastasii Petrovny Derbinoi (Kichmongsko-Gorodetskii raion Vologodskoi oblasti): Khrestomatiya*. Vologda: Tsentr narodnoi kul'tury, 140 p.
- Barag, L. G., Berезovskii, I. P., Kabashnikov, K. P., Novikov N. V., eds. (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka*. Leningrad: Nauka, 440 p.
- Chulkov, M. (1782). *Slovar' russkikh sueverii*. Saint Petersburg: Tipografiya Shnora, 281 p.
- Eremina, V. I., Zhekulina, V. I., eds. (2000). *Neizdannye skazki iz sobraniya N. E. Onchukova (tavdinskie, shokshozerskie i samarskie skazki)*. Saint Petersburg: Aleteiya, 488 p.
- Ginzburg, L., ed., transl. (1971). *Volshebnyi rog mal'chika. Iz nemetskoj narodnoi poezii*. Moscow: Detskaya literatura, 96 p.
- Glinka, G. (1804). *Drevnyaya religiya slavyan*. Mitava: Tipografiya I. F. Shtefengagena i syna, 23 p.
- Grimm, W., Grimm, J., eds. (1989). *Skazki*. Moscow: Pravda, 480 p.
- Kadikina, O. A. (2004). 'Figury detskikh strakhov', in: Gerasimova, N. M., Madlevskaya, E. L., eds., *Yazyki strakha: zhenskie i muzhskie strategii povedeniya. Stat'i i materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Saint Petersburg, 2003, Okt. 3–5). Saint Petersburg: Proppovskii tsentr: gumanitarnye issledovaniya v oblasti traditsionnoi kul'tury, 77–82.
- Kaisarov. A. S. (1807). *Slavyanskaya mifologiya*. Moscow: Tipografiya Dubrovina i Merzlyakova, [8], 211, [5] p.; 2nd ed.: *Slavyanskaya i rossijskaya mifologiya*. Moscow: Tipografiya Dubrovina i Merzlyakova, 1810. [2], 211, [5] p. (na nemetskom yazyke: Kajsarov, A. S. (1804). *Versuch einer Slavischen Mythologie*. Göttingen: Gedruckt mit barmeierischen Schriften bei J. C. Baier, 117 S.).

- Makarov, M. N. (1827). 'Krivich-khristianin i Yagaya. Drevnyaya smolenskaya povest', *Vestnik Evropy*, 13, 3–20.
- Makarov, M. N. (1838, 1840). *Russkie predaniya*. [3 vols.] Moscow: Tipografiya Lazarevykh instituta vostochnykh yazykov. [Vol. 1], 102 p.; Tipografiya A. Semena. [Vol. 2], 187 p.; Tipografiya N. Stepanova. [Vol. 3], 57 p.
- Nechaev, A. N., ed. (1939). *Skazki M. M. Korgueva*. 2 vols. Petrozavodsk: Kargosizdat. Vol. 1, 660 p.; Vol. 2, 676 p.
- Novichkova T. A., ed. (1995). *Russkii demonologicheskii slovar'*. Saint Petersburg: Peterburgskii pisatel', 632 p.
- Novikov, N. V., ed. (1961). *Russkie skazki v zapisyakh i publikatsiyakh pervoi poloviny XIX veka*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 396 p.
- Novikov, N. V., ed. (1971). *Russkie skazki v rannikh zapisyakh i publikatsiyakh (XVI–XVIII veka)*. Leningrad: Nauka, 288 p.
- Novikov, N. V. (1974). *Obrazy vostochnoslavvianskoi volshebnoi skazki*. Leningrad: Nauka, 256 p.
- Onchukov, N. E., ed. (1908). *Severnye skazki. Sbornik N. E. Onchukova*. Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina, 646 p. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. Vol. 33).
- Onegina, N. F., ed. (1986). *Skazki Zaonezh'ya*. Petrozavodsk: Kareliya, 296 p.
- Popov, M. (1768). *Opisanie drevnego slavenskogo yazycheskogo basnosloviya...* Saint Petersburg: Tipografiya Sukhoputnogo kadetskogo korpusa, [14], 48 p.
- Propp, V. Ya. (1986). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 367 p.
- Raian, V. F. (2006). *Banya v polnoch'*. *Istoricheskiy obzor magii i gadanii v Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 720 p.
- Razumova, A. P., Sen'kina, T. I., eds. (1982). *Russkie narodnye skazki Pudozhskogo kraja*. Petrozavodsk: Kareliya, 366 p.
- Smirnov, A. M., ed. (1917). *Sbornik Velikorusskikh skazok Arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Petrograd: Tipografiya Rossiiskoi akademii nauk. Vol. 1–2, 504 p. (Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. Vol. 44).
- Tarkhova, N. A., ed. (1988). *Literaturnaya skazka pushkinskogo vremeni*. Moscow: Pravda, 480 p.
- Vlasova, M. N., ed. (1995). *Novaya ABEVEGA russkikh sueverii: Illustrirovannyi slovar'*. Saint Petersburg: Severo-Zapad, 383 p.
- Vlasova, M. N., ed. (2001). *Russkie sueveriya: Entsiklopedicheskii slovar'*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 672 c.
- Vlasova, M. N., ed. (2011). *Neizdannye materialy ekspeditsii na Russkii Sever 1926–1928 godov. Skazki. Legendy. Bylichki. Detskii fol'klor*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 680 p.
- Vlasova, M. N., Zhekulina, V. I., eds. (2001). *Traditsionnyi fol'klor Novgorodskoi oblasti. Skazki. Legendy. Predaniya. Bylichki. Zagovory. Po zapisyam 1963–1999 godov*. Saint Petersburg: Aleteiya, 542 p.
- Zelenin, D. K., ed. (1997). *Velikorusskie skazki Permskoi gubernii. Sbornik D. K. Zelenina*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 584 p. (1st ed.: Petrograd, 1914).
- Zelenin, D. K., ed. (2002). *Velikorusskie skazki Vyatskoi gubernii. Sbornik D. K. Zelenina*. Saint Petersburg: Tropa Troyanova, 736 p. (1st ed.: Petrograd, 1915).